

Леонид Митин

НОЧНАЯ ГОСПОЖА

Леонид Митин
Ночная госпожа

«Издательские решения»

Митин Л.

Ночная госпожа / Л. Митин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833098-8

Мы можем познать лишь тот мир, который создали себе сами. Те, кто отсекся от истории, от времени и людского общества, находит себе обиталище среди вечной тьмы невежества, искушаемый демонами, терзаемый ими, безо всякого смысла, причины и надежды на выживание. Границы миров стираются, рассеиваются, словно туман в лучах восходящего солнца, но цена за прозрение — изгнание. В кельях, в одиночестве происходят самые страшные войны, ибо происходят в тишине среди равнодушных звезд.

ISBN 978-5-44-833098-8

© Митин Л.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Обращение	6
Часть вторая. Торги	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ночная госпожа

Леонид Митин

Иллюстратор Елена Александровна Митина

© Леонид Митин, 2017

ISBN 978-5-4483-3098-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы идем своими дорогами вслепую, даже будучи уверенными в сотворении пути собственными силами. Взглянуть на нас, как жалки мы и высокомерны, как любим крушить надежды ближнего своего, толкать падающего и разглагольствовать обо всем, кроме себя. Самое противное – это прощение самих себя при блеске золота и роскоши. Пришел герой, и настало время подвига. О том сия история...

Часть первая. Обращение

Проклятые люди, нареченные так по силе и необыкновенности своей, отличающиеся также незаурядным умом, благодарны судьбе за свое одиночество, где их посещают, при лампадном огне, в тесной комнатке, похожей на келью, духи различного рода и порядка. Сей вечер, ни в коей мере, не был для нас исключением. В тесной келье, среди множества свитков и книг, за небольшим ветхим столом, на котором стояли два серебряных подсвечника с умирающими свечами. Тусклое свечение едва размывало грани между пустыней крошечной тьмы и миром объектов, которые я должен был видеть. Лицо моего собеседника и друга слабо освещалось, придавая грубым чертам аскета выражение мрачного демона, задумавшего с тобой интересную игру. Только глаза отражали смерть маленьких свечей:

– Именно так догорает и мы, друг мой.

– Ничего не достигли, но зато живые – ответил мой собеседник – Знаете, к черту все, мы своим отрицанием можем вызвать только насмешки со стороны блаженствующих под солнцем. Даже сейчас, мы с вами почти окутаны тьмой и сладкими речами Сатаны.

Он откинулся в раздумьях, и его взор был теперь на пиру у Сатаны среди плясок теней.

– Не будь света, мы не видели бы плясок смерти и теней в этой комнате.

– Все равно знали бы о том, что и сейчас в минуты отвращения к жизни, тени резвятся и пляшут – мой собеседник закурил трубку – вот и добавим красок пепла, который, кстати, тоже куда-то стремится. Пепел, тени и разговоры о Сатане. Думаете, мы зря живем?

– Думаю, что мы зря рождаемся. Все остальное – пишется как-то само по себе.

– Рад, что вы так считаете, но посмотрите, что само слово «смысл» должно быть у сатаны, а не кого-то еще. Мы утверждаем себя через смысл, который приводит нас, благодаря человечности, к осознанию абсолюта суеты и скуки, и итог – отвращение к жизни.

– При этом, мы сохранили смирение, которое помогает лишь тем, что не заставляет пересурдствовать в приобретении благ.

– Согласен. Давайте на этой ноте, я покину вас. Другим вечером, мы поговорим вновь – тихим голосом произнес мой собеседник и направился к двери. Я только кивнул головой, а через секунду услышал стук двери. Вот теперь я одинок среди гарцующих теней, пожирающих плоть огоньков, и равнодушных ко всему книг.

Мне бывает очень трудно заснуть. Потому я часто читаю, пишу или смотрю на огоньки. К этому спокойствию трудно привыкнуть, но меня тянуло к этому, нечто таинственное соблазняло меня от суеты сюда, в уединение, в покой. Кому-то это кажется смертной скукой или тоской, а по мне, я просто не прижился, просто ушел от беготни по тем берегам каменных рек, что вечно велят плыть куда-то. Некто создал эти пути, и теперь ими пользуются, а мне скучно бродить по серым бездушным и застывшим рекам. Конечно, просто так не приходят к такой, с позволения сказать, жизни. Только что догорела последняя свеча, и свет луны тонкой полоской вошел ко мне. Я гостеприимен к любому свету, но вот с людьми все сложилось как-то иначе. О, к слову, удивительный блеск оставляет лунный свет на подсвечнике. Серебро и луна – хранители знаний древних алхимиков – ныне выступают полотном для романтиков. Их не любят, а только режут или копируют. Я завидую луне, ведь она не отягчает себя смыслом жизни по тем божественным причинам, которые мне знать, не дано.

Да, раньше я суетился, как и все. Не только работа, но и публика с ее искристыми фейерверками, пышными нарядами, смехом и весельем пьянили и увлекали меня в это гедонистическое безумие, изобретение просвещения и древности. Жизнь пестрела красками, лицами, общением, прогулками, праздниками и порой даже пороками неумеренности, примешивая щепотку извращений, тоже изобретение нового века.

Каков я теперь, перемолотый, переломанный, пережеванный Молохом. Я заплатил сполна демону наслаждения. Нет никакого Бога над нами, но есть Люцифер, кто ждет нас к себе на пир и маскарад. Я страшен, уродлив, немощен и глаза мои не выносят света. Какое благо, что я не питаюсь кровью, хотя и слышал о ее омолаживающем действии. Мне тяжело писать, ходить и думать. От еды меня воротит, вино не пьянит, хотя любовь к нему не угасла. Самое тяжкое понимание – это понимание того, что прошлое всегда ужаснее и большее настоящего. Ах, если бы я мог, то забыл бы, прострелив себе голову. Увы, но это невозможно, да и не хочется, признаться честно. Я обожаю мир, у которого беру вдохновение и каждый новый день, новый ветер, новый свет и новый мрак. Я несчастен, но ничего не желая, становлюсь счастливым. Это не покой, это забвение. Да будет Тьма!

Давным-давно, когда моим лучшим другом был томик Шопенгауэра, а девушку мне заменил Бодлер и абсент, я жил в духе своего времени, подобно кукле, заведенной в точный час, тогда я познакомился с сатанессой, ведьмой, которая писала молитвы. Тогда я начал молиться ее словами, и каждое слово оставляло во мне стигматы, шрамы. Я желал созвучий, мелодий, напевов реквиема, но боялся даже первой ноты. Меня ужасала сама мысль об объединении звуков и молитв в нечто единое, что уничтожило бы меня. В тот момент я испугался смерти, но любопытство, зачарованность строками и рифмами помогли мне идти дальше, бесстрашно искать пути к истинной вере. Кое-что сделало из меня то, чем я являюсь сейчас. Строки фатума, молитвенного, сакрального смысла легли печатью в мою душу, и теперь мои демоны, издевки ради, нашептывают их мне:

«О муки! О любовь! О искушенья!
Я головы пред вами не склонил,
Но есть соблазн, соблазн уединенья
Его еще никто не победил».

Я остался один, точнее сказать, один на один со своими демонами виктории и грандиозных фиаско. Вокруг витает тлен, пыль и воспоминания. Сначала было больно, но сейчас я научился принимать себя таким, каков я есть. Я почти познал через Волю о своем представлении, почти решил, как мне кажется, все загадки бытия. Однако, я получаю удовольствие только через эту боль, неявную, неясную, но стоит ее произнести, как она бьет тебя со всей силой так, что остаешься равнодушным или апатичным ко всему. Прошлое теряет свои краски, настоящее проходит бесследно, но будущее, будь оно проклято, оставляет только боль, только яркое пламя надежды, которому суждено стать пеплом. Мы не властны пока с людьми, мы обретаем власть в одиночестве. Сейчас его не любят, боятся, заигрывают с ним, будто с трактирной девкой, но оно все равно берет свое. Быть может, ему стоит стать пятым всадником апокалипсиса...

– Ужель ты одиночества не любишь?
Уединение – великий храм.
С людьми... их не спасешь, себя погубишь.
А здесь один, ты, равен будешь нам»
Я обернулся:

– Зовет меня лампада в тесной келье
Многообразие последней тишины,
Блаженного молчания веселье,
И нежное вниманье Сатаны. – Мой государь, мой друг и мой изгнанник, я приветствую вас.

Я встал и поклонился. Он ответил мне реверансом. Он был не один. Он всегда не один, всегда его сопровождает незнакомка, которую он зовет своей нимфой, но я чту ее суккубом,

а его – демоном. Даже не помню, когда мы познакомились. Когда много знаешь, то можно лгать, будто тебе тысячу лет, и ты в красках помнишь Атлантиду и Помпеи, но по правде говоря, может так и есть. Ведь цифры не значат ничего, и если угодно, то мы бессмертны, так как наши мерки – наши цепи.

– Вы всегда ошибаетесь, но всегда рассуждаете. Доброй вам ночи, я могу остаться у вас? – спросил изгнанник.

– Даже у вас, государь, нет выбора – ответил я.

– Благодарю. Уверен вы не будете против моей очаровательной спутницы – сказал изгнанник и повернулся к ней со словами – проходите, вы тоже приглашены.

Молчаливо, тихой поступью, как ходит сама смерть, неизвестная прошла в келью.

– Меня всегда привлекает безмолвие, всегда, когда есть возможность помолчать, я так и поступаю. Вы, мой друг, такая жалкая и тленная тварь, что всегда вызываете удивление. Почему у вас вообще есть душа? Вы отвратительны мне, если ее не используете, но вы, зато честны перед миром. Когда вы используете душу, вы не в силах вынести счастья и страдания. Вы путаетесь в очевидных явлениях, и остерегаетесь всего таинственного. Справедливо было бы вас уничтожить одним адским пожарищем, но разумнее оставить жить. Ведь никто лучше вас самих ее не уродует и не делает невыносимой.

Изгнанник сел возле меня и пристально смотрел в мои глаза. Он был слеп, но сила его взгляда пугала меня. Он смотрел мне в душу, и перед ним я был наг и чист, как первый человек без листка. Я ощутил себя беспомощным, слабым ребенком, пустым и ничтожным перед ним. Я дрожал. Мое сердце почти не билось, отдавая каждый удар с особой осторожностью. Дыхание было беззвучным, словно затаившимся, чтобы не нарушить тишину и не спугнуть жертву. Я был этой жертвой. Я боялся его как дикого зверя. Я любил и обожал его. Мое сердце наполнилось радостью, ибо я мог служить ему. Я был его рабом, которого он мог терзать, но не делал этого. Вся моя боль была в его глазах, вся моя власть находилась в этой слепоте, и все мое блаженное спасение отражалась в моей бездне.

Его спутница стояла рядом и смотрела на действие. Ее глаза стали наливаясь кровью, а лицо, скрытое капюшоном, издавала тихий звук, похожий на рычание алчущего крови зверя. Она получала наслаждение от любого зрелища унижения смертных людей, хотя и сама не могла хвастать долголетием. Об этом можно было судить по ее костлявым, иссохшим рукам, на коже которых виднелись следы чумной болезни и перенесенной оспы.

Как только я очнулся, то с меня будто спал камень, который топил меня и тянул вниз. Я чувствовал себя моложе, в смятении, которое свойственно молодым людям в моменты, когда они что-то делают впервые, особенно, если речь идет о грехе и потворстве своим слабостям. Свеча мерно горела, создавая ровные тени, будто ее не касается все, что происходит вокруг. Я очнулся в новом мире, но это был ад совершенно другой планеты.

– У вас сегодня день рождения. Не стоит пренебрегать дарами, особенно столь скромными от верных друзей. Посмотрите, какой вы на самом деле, но внутри вас величие, что невозможно измерить, ни одним из человеческих мерил.

– В душе вашей томится ненависть, жадность, презрение, любовь, милосердие. Вы спотыкаетесь, сомневаетесь, а потому вы создаете из себя то, что привнесено вдохновением. Мой господин желает, дабы я смиренно предложила вам небольшой подарок. Вы его не заслуживаете, но есть Воля и не нам решать абсолюты и движения звезд. Что ж, примите мой скромный дар – с этими словами ведьма нагнулась ко мне и посмотрела на меня. Ее глаза взорвались кроваво-красными, желтыми и оранжевыми красками. Взгляд, преисполненный гнева, жажды, величия добродетели и вечного смирения проникал в меня все глубже до тех пор, пока наша бездна не стала единой. Я погрузился в сон.

Часть вторая. Торги

Все кровопролитные войны ведутся ради крови, только крови. Человек не станет сознаваться перед богами, будто делает это ради крови, смерти, страдания других себе подобных. Человек прикроется и богами, и мудростями о доблести, о подвигах, о славе, чтобы скрыть в шелках и пурпуре жажду крови. Откуда таковая проистекает, сказать трудно, да и не мне о том говорить, но мне кажется, что все дело в проклятии человека – в его страстях.

С крутого обрыва было видно, как эти грешники копошатся в делах мирских, преумножая власть безымянного на этой земле. Они улыбаются, поют песни, кои оскверняют лик великого Отца. Женщины, старики, дети – отродья, кои доньше не были преданы очищению. Их охраняют, этот скот, молодые юноши, угнавшиеся за раздуваемыми ветром безымянного юбками. В похоти и страсти сгнил сей поселок. Я наклонился, взял горсть земли, вдохнул ее аромат, затем повернулся к своим братьям, вознеся руки к небесам:

– Пребывайте во славе моей, восславьте имя того, кто не будет забыт, кто вечен. Хвала господину, научившему сию руку держать меч, а пальцы сие – войне! Убивайте всех, Творец узнает своих.

Каждый воин дал обет молчания, и безмолвная толпа, алчущая крови зверей, сама им уподобилась, спускаясь с обрыва, подгоняемые страхом, исходившим от деревни зловонным туманом. Как только они увидели нас во всем великолепии скромных одежд, но преисполненных святым духом, мчавшихся, словно гнев сверхчеловека, ничтожные дрогнули. Они послали защищаться всех, кто мог держать оружие. Будто что-то хоть раз смогло бы дерзнуть и защититься от света истины. Мы сошлись, как две волны пламени – молчания и аскезы против суеты и порока.

Как только мы обагрили свои туники и лица кровью, как только насытили наши мечи и посохи тленом этих диких отступников, похотливыми семенами обагрили мы мечи свои. Сколь упоительно, сколь сладко чувство крови еретика. Я резал детей, словно сочные фрукты, и они падали в стенаниях – сладкой музыки праведных воинов – будто гнилые колосья на чистых полях господина. Он был с нами, он пил их кровь вместе с нами, и от этого мы становились горячее. Его святой огонь проникал в наши души, завладевал нашими телами, и мы сражались свыше всяких сил. Мы разрубали, дробили, превращали кости в пыль. Стенания, боли и смерть – вот достойная кара за суетливые мирские блага, за ересь и невежество. Братья рубили в неистовстве святейших воинов-мучеников. Если ломался посох, то рвали плоть еретика зубами, руками, топтали ногами. Если ослабевали руки, то их отсекали и сражались ими. На моих глазах были съедены несколько еретиков. Да будет их больше во веки веков. Мы всех отправим в небытие.

Благородное Солнце насытилось жертвами праведных воинов, щедро осыпала наши глаза кровавым шелковым плащом, за которым вскоре должна была явиться презренная нищенка, собирающая души еретиков к пути в ничто. Мы ликовали в безмолвии, пировали кровью, сжигали тварей, дабы очистить тело матери от их присутствия, даже в виде запахов и эфиров. Все горело, пылало, исчезало в сердце огня гнева господина. Мрачным, зловещим черным духом уходили ввысь жертвы, оставляя здесь зловоние – самый сладкий запах для праведного воина.

– Здесь и братья наши остановились – смиренно произнес Аристиан.

– Нет среди павших братьев. Сие есть отступники, ибо смерть не повод нарушать клятву – ответил я – мы сожжем их с остальными.

– Похвально такое рвение, магистр, я счастлив, быть с вами единой верой.

– Ибо таковая есть истина – уверенно сказал я – кровь – это жизнь.

Аристиан являлся наместником и глазами сердца священного пастыря господина. Я не силен в иерархиях, ибо оные есть члены тела бrenного, о коим разуметь надлежит в послед-

ную очередь, то меня не волновало его происхождение. Я отдал последний на сегодня приказ – утвердить дух свой в истязании тела. Засыпал я от сладостного звука хлыста, карающего тела тех, кто не стремился исполнять долг с усердием или же тех, кто дал волю страстям. Невинных не существует, есть лишь разные степени вины.

Великолепное утро, алым заревом осветившее земли, что вчера гнили от ереси, что сегодня сияют, словно невинные глаза младенца, не чувствующего разницы между добром и злом. Мир портило, пожалуй, только пепелище, но оно есть символ чистоты земли, ибо и она борется с ересью своими способами, а мы только помогаем ей в этой борьбе.

Я спал на холодной земле, и тепло света пробудило меня к жизни. Мы были готовы к новым подвигам и новым свершениям. Все собрались дальше в земли Стратфорда, где стояла наша обитель, священный храм. По легенде Храм был построен на месте убийства непорочно зачатого суккуба, пришедшего искушить нас. До сих пор он, будучи демоном, искушает, развращает и соблазняет души рабов господина. Здесь мы оставим чистые земли, луга и леса. Теперь земля чиста, как чисты наши души и помыслы. Мы отправились вдоль дороги.

– Бывал ли ты в обители, в кою держим мы путь, брат мой? – спросил меня несущий слово Эмпедорий.

– Нет, брат, не был, но много слышал и беседовал с странниками, приходившими с тех земель. Будет жаль, если эти земли будут соседствовать с ересью.

– Да, согласен я, но знаешь ли ты, с чем именно мы боремся? Ересь многолика и вожденная. Она услаждает и искушает тебя пением, мудрыми речами. Она ищет слабое место твое, где невежество посеяло самые сильные зерна, и именно туда она бьет тебя. И странность в том, что не надо противиться ей...

Я думал, что сейчас убью его, и посмотрел на него, сжимая в руках свой посох.

– Нетерпение, брат мой, есть шаг к ереси. Ты верный воин господина, но не более, ты не судья. Так выслушай меня, ибо я бьюсь не посохом, а разумом в том поле, где нет времени и пространства, где гибнет всякий, кто цепляется за вещь. Поддайся искушению, но зажги свечу, сердца своего, и только так ты сможешь одолеть зло, ибо оно растет от противного и от противящегося. Не противься злу, но прими и возлюби его, как возлюбил и братьев своих.

– Но тогда, что есть ересь, и не может ли она быть в твоих глазах, брат мой? – я подозревал его, но вскоре понял, что напрасно, ибо мудрость его велика, а деяниями он был чист. О помыслах не мне судить.

– Ересь есть все, что развращает дух, ибо тело есть орудие греха, но не он сам. Твое спасение в терпении и смиренности. Ты тверд в своей вере, ибо господин верит в тебя. Так плати ему тем же. Ересь же кроется в мыслях, от коих тело со временем чахнет и чернеет, покрываясь знаками, кои мы зовем болезнями. Ежели не справиться, то смерть спасет душу от небытия.

– Получается, что мы застрахованы от мучений?

– Нет, это значит, что мы не в силах знать все и вся, но мучений там нет, там вообще ничего нет. Брат мой, доверься мне, я искушен в тех духах, о которых ты и мыслить не можешь. Пусть каждый будет на своем месте.

Я согласился. Трудно понять его. Все же ради братьев мы должны верить в мудрость отцов храма, иначе мрак и хаос поглотят нас, а без нас – все окутает ересь.

Братья устали, но путь почти закончен. Оставалось пересечь священную реку вброд, и мы будем дома. Священная река находила свой вечный путь в тени лесов, вечных жителей, философов и стражей мира. Они хранят много тайн, но еретики вместо понимания тех тайн, более склонны делать себе склепы из их тел, наслаждаясь ароматом их гниения. Ад всегда в еретиках, смертных, ищущих спасения во всем, кроме своей души, а посему причиняющие столько горя тем, кто живет тысячи лет в обете молчания. Наши обычаи требуют исполнения воли господина, и мы посадили несколько деревьев, прежде чем устроить привал.

Темнело. Небеса обнажали свои золотые мантии, представляя свое обнаженное бледное тело во всей ее тьме. Мрак наступил мягкой, неуловимой пятой, словно ночной зверь, охотник, более пугающий, нежели жестокий. Мы устроили небольшой костер и ужин, состоящий из сырой рыбы, листьев и желудей, запивая все это отваром из шишек, коры и трав, кои счел целебными Аристиан. Сейчас мы могли сломать печать молчания и говорить шепотом, словно молимся. Эмпедорий встал и направился к большому камню, что стоял у берега реки, неподалеку от нас:

– Я хочу выйти из тела ненадолго. Не тревожьте меня, во что бы то ни стало.

– Я могу пойти с тобой? – спросил я. Мне было интересно, как это происходит.

– Идем, но ничего ты не увидишь, ибо зрение твое не готово к такому. Мы учимся этому годами.

У камня, на небольшой опушке, Эмпедорий сел на колени и стал что-то нашептывать. Затем он замолчал и застыл, словно камень. Дыхание его стало неслышимым, тело окаменело, и было расслаблено, а лицо было в маске безмятежности.

Через пару часов Эмпедорий встал и сказал голосом, исполненным тревоги:

– Я слышу смерть. Души кричат так неистово здесь, будто была война. Ход был сделан, изменение произошло.

– Мы должны попасть в храм немедленно! Общий сбор! К оружию! – закричал я, – Быстро в обитель.

Братья, едва понимая, что происходит, все как один бросились бежать в сторону обители. Я боялся худшего...

Мы выбежали из леса, и ужас поразил нас. Гнев сковал нас тяжелыми оковами, а наше страдание, боль захватили наш дух с неистовой силой, и сжимали демоны нас, причиняя ужаснейшую боль. Мы опустели, мы умерли, мы испугались и пребывали в смятении и недоумении. Весь хаос чувств, эмоций теперь повелевал нами слепо и безрассудно.

Обитель пожиралась пламенем. Стены испачканы кровью. Стража была изуродована символами и погибла, видимо, от потери крови ужасной смертью. Ветер принес нас запах тлеющей плоти, обгоревших тел и дыхание смерти.

– Не страшитесь, братья! Вперед! – сказал я, и первым вошел в обитель.

Все разрушено и предано огню. Братья лежали мертвыми. Некогда могучая и процветавшая обитель была пред нами, словно дитя или старик – жалкое, уродливое и беспомощное пред смертью существо. Дух покинул эту обитель, и ищет теперь другого пристанища, в мире идей, в мире господина.

– Следы гласят в безмолвии, что убиты они, были не в битве, но будто изувечили себя сами, либо кто-то собрал их кровь – задумчиво сказал Эмпедорий.

– Невозможно! Нет в этих землях существ с такой мощью, чтобы прорваться в обитель. Вурдалаки все здесь истреблены, и лишь одно племя живет за океаном черной ереси. Еретики не обладают такой мощью, чтобы овладеть обителью. Нет в мире силы, что могла бы свершить такое кощунство – сказал я с гневом и смятением.

– Дух смерти – это следствие, ибо кто-то все-таки отнял жизнь у наших братьев. Значит, такая сила есть, но почему мы не заметили ее и какова суть этой силы – вот мои вопросы – ответил Эмпедорий, – Брат мой, обыщите храм на наличие записей, посмотрите библиотеку и хранилище в поисках свитков или личных записей. Я же попробую осмотреть мир идей в этом воплощении. Некая Воля привела смерть сюда и это не случайно.

– Я осмотрю место на наличие ереси в этих местах – сказал Аристиан.

Я распределил братьев по группам, и мы отправились расследовать происшествие. Моя группа отправилась со мной в центральную часть обители – храм слез государевых. Вся дорога была увенчана распятыми телами братьев, телами, изъеденными и обглоданными, без кожи или членов, иные тела были изуродованы самым немыслимым способом, а мясо обсыпано

солью. Всевозможные глумления были представлены здесь. Это сильно давило нашу волю, и вся борьба была уже не в телах, а в душах. Лица, застывшие в смерти, выражали странное смешение ужаса и наслаждения. От этого становилось еще дурнее. Мы вошли в храм. В пруду Слезы был утоплен настоятель обители с камнем во рту и вспоротым животом. Слезы, некогда символизировали чистоту и святость, ныне были кровавой панихидой по нашей обители и душам павших братьев. Статуи четырех благочестивых стражей (благочестие, благонравие, благородство, благословение) были разрушены. Все светильники разорваны на части и разбросаны вокруг. Свет почти не проникал сюда, но было видно, что вместе с мебелью и металлическими вещами лежали части тел. Братья были разорваны на куски и разбросаны повсюду. Я поднял глаза вверх и увидел огромный навес из кожи человеческой со странными надписями, написанными кровью. Я узнал этот язык – это язык нашего ордена, который не используется уже сотни лет. Он был проклят и предан забвению, но не считался ересью. Так что еретики тут не причем, но это мог быть новый оплот ереси. Нужно срочно показать все это Эмпедорию.

Придя во двор, мы обнаружили Эмпедорию буквально иссушенным. На вид ему было лет сто. Его руки худы, глаза впали и были черного цвета, лицо испещрено морщинами. Он был похож на скелет в коже. Мы не понимали что происходит. Аристиан сам был в недоумении, и уже готовил свой крест боевой истины, которым метят еретиков-отступников среди храмовников (да, и здесь бывает ересь, опасная и коварная). Неожиданно, Эмпедорий резко вдохнул в себя жизнь, словно воздух, и тело его преобразилось, став таким, каким оно было. Он встал с колен, осмотрел каждого из нас и спросил:

– Что нашли, братья?

– Рукописи и книги из архива. Вот, все что уцелело – сказал брат Прозх.

– В покоях все мертвы, но много утвари и чаш. Мы нашли еще и дневник сестры Аласкалиэль – доложил брат Ихр.

– Я уже начал думать, что ты поддался ереси, брат – сказал Аристиан.

– Ты уже начал думать? Поздновато спохватился – с усмешкой сказал Эмпедорий, чем немного разрядил обстановку – Здесь была ересь, но такой мы прежде не встречали. Я не чувствую насилия или агрессии, но все мертвы. Дух смерти здесь желанный, но не он искушал. Он пожирал, а искушали для него. Здесь бродит тень, но я не могу ее познать. Она для меня неуловима во тьме. Это ее мир. Вернемся в лес, и там мы с Аристианом изучим все, что нашли.

– Есть еще кое-что... – хотел рассказать я о том, что видел, но Эмпедорий перебил меня.

– Всеу свое время, брат. Ваш дух поколеблен, и посему надо отдохнуть. Всем возвращаться в лес – приказал Эмпедорий.

Мы вернулись, когда небеса озарились рассветом. Новый день настал для нас, будто бы павших братьев и не было. Их стерли из бытия истории, и только мы теперь хранители тайн и душ о тех, кто жил когда-то в мире вещей. Интересно, а каков мир идей и происходит ли там смена дня и ночи, добра и зла, что вообще там торжествует. Господин выше идей, поэтому ничего о нем мы не знаем. Выполняем его волю, и ради этого готовы на все, даже на месть еретикам, что сотворили такое кощунство. Ни одна живая тварь не посмеет поднять руку на Отца без возмездия. Мы отдохнем, наберемся сил, и тогда месть наша будет страшна.

– Брат мой, идите в храм завтрашним днем, дабы предать все очистительному пламени. Мы разберемся к этому времени в тайнах смерти наших братьев – сказал мне Аристиан с небольшой дрожью в голосе, будто бы он не спал всю ночь. Глаза выдавали его утомленность. Он смотрел не на меня, а сквозь меня, но пока еще не обессилел, хотя и напоминал марионетку. Я сказал, что исполню его приказ.

Весь день мы провели в суетливых заботах и благочестивых молитвах, в беседах о благе и чести. Из дня в день мы укрепляли свою веру такими беседами, порой используя ересь, как соль для раны, но для лучшего чувствования праведного духа в нас. Мы унижали и били плоть, чтобы боль не была для нас тягостна, ибо тело болеет всегда, но здоровый дух не даст ему угаснуть. Все тонкости идей знают сановники, которые не похожи на людей, даже в походке или манере речи. Образ их жизни таков, что без своих знаний им было бы проще приготовить себе еды. Они как детеныши беспомощны, но помыслами чисты, и понять их речь может только тот, кто не убил в себе чистоту духа. Каждый день мы руки воли господина добываем себе пищу, кров и занимаемся воспитанием духа вместе с починкой одежды или обуви.

Вечером ко мне подошел Эмпедорий и попросил сопровождать его в храм для перевода текста, который я увидел.

– Я же не сказал тебе о нем ничего. Как ты узнал, ты был там? – удивленно спросил я

– Нет, но в мире духов я увидел его. Кожа и кровь – это идеи, и они остаются эхом, следами воли здесь, в этом мире. Пойдем, нам пора идти.

Мы пришли в зал храма, где был этот ужасный навес. Надписи въедались в глаза непристойным видом крови, яркостью цвета они овладевали взглядом. Невозможно было не смотреть на них, но мне хотелось растерзать их. Мне все равно, что искали там духовники. Я желаю смерти еретикам и всему еретическому.

– «Свет, пришедший из глубины мрака, развеял его во прах и возгордился победою своею. Возгласил свет о великой победе и объявил себя Вечным и Истинным. Все твари земные стали рабами его, купались в золотых лучах его. Счастьем их не было конца и начала, ибо казалось оно бесконечным. Но блажен тот, кто славою и златом не ослеплен, и чье терпение выше мирского. Свет стал жечь, ибо мало власти во все времена, и тщеславия мало для тела. Без меры стал свет, самодуром стал и жестоким тираном. Сжигал он города и леса, иссушал озера и реки. Камень плавил и раскалял до неистового жара. Твари земные в тени высыхали, будто сочный плод в засушливые дни. Иные тлели прямо в лучах славы и гордыни его. Но не возроптал никто, ничто не бросило вызов тирану, ибо все светом ослеплено было. В счастье и блаженстве услаждали тела свои твари земные, и даже боль им стала наградой. Все в слепоте им стало едино. Все смешалось, и тем проклято было. Сам свет был ослеплен величиим своим до той степени, что исчез в небытие. Снова пришла тьма и луна мягким, ласковым светом приглашала к себе дочерей своих бессмертных. Ныне правит Тьма и владыка всему Хаос». – прочел Эмпедорий.

– Это ересь, Эмпедорий. Очевидно, это ересь. Нужно сжечь все это, предать пескам забвения и времени. Волей господина этого не должно быть. Это неправильно – свирепо говорил я. Я едва сдерживался от того, чтобы не разорвать полотно. Только вера в мудрость Эмпедория сдерживала меня.

Эмпедорий упал от попавшей в него коробки. Кто-то или что-то сбilo его с ног. Я достал палицу, и стал озиаться по сторонам, словно загнанный в ловушку зверь. Меня не страшил враг, но его саван, сотканный из тьмы. Я дышал почти неслышно, чтобы уловить каждый шорох, шаг или вздох. Эмпедорий застонал от боли. У него кровь покидала тело из головы. Он сказал мне:

– Беги! Ты не можешь биться с тем, чего не видишь, чего не знаешь. Беги за помощью, а я задержу это отродье.

Я не хотел бросать своего брата одного с этим чудовищем, коварным чудовищем, но его речь показалась мне разумнее, ибо все вместе мы точно одолеем демона, даже если Эмпедорий пожертвует собой. Я помчался со всех ног к ручью, где должны быть мои братья. Ветки хлытали мне лицо, камни били мне ноги в кровь. Я спотыкался, я не мог ровно дышать. Гнев управлял мной, и придавал мне сил, но лишал меня телесной силы взамен. Я боялся не успеть, боялся подвести Эмпедория, всех братьев, Творца. Все зависело от моей спешки. Сейчас она решала все.

У берега стоял Аристиан. Вся его мантия была в крови. Его лицо было в крови. Его посох питался кровью. Он стоял гордо, словно он выше всех тварей, словно он творец и посланник господина. Его глаза блестели ярким огнем, мощью, которую получаешь от пресыщения вождельным, от власти. Он стоял подобно дикому, гордому, непокоренному зверю в своем величии и простоте, не уступающему никому.

– Ересь! Ты и твой сброд! Ересь! Твой Эмпедорий – еретик! – гневно закричал Аристиан, дрожащим от ненависти голосом.

– Эмпедорий нашел демона, убившего наших братьев! Он искусил тебя, Аристиан. Очнись от скверны, брат, и я воздам тебе все смертные почести. Твое безумие непростительно, но смерть может стать облегчением твоему заболевшему разуму – сказал я, стараясь держать себя в руках.

– Погань, ты и твой Эмпедорий! Я уничтожу тебя, еретик – закричал Аристиан, и бросился на меня, держа свой посох над головой. Аристиан не воин, и, скорее всего, убил братьев предательски. Честный поединок дал честный результат, ибо господин честен и праведен. Он творец этих явлений и форм сознания. Я сделал шаг в сторону, а палицей ударил его в живот так, что резким движением разорвал его. Вся мерзость его тела, словно гнилые плоды, вывалилась наружу, расстелившись перед своим владыкой сладкой постелью. Теперь его тело стало его прокрустовым ложем, ибо я, как предписывает кодекс, вложил его голову в эту гадость, заставив его задохнуться от смрада его греха, что охватил его. Его одержимость воняла гнилью и испражнениями, а посему его кара была – дышать этим во веки веков, но не в этом мире.

Оставалось непонятным, что за безумие охватило всех, даже самых мудрых из нас. Неужели тьма сильнее света потому, что умеет выжидать. Нет, это ересь. Свет – источник блага и терпения. Тьма только ложь, только яркость ее небытия страшит. Она лжет своей пустотой, показывая ее, как нечто ужасное. Тьма пуста и ничтожна. В ней ничего нет, и она из зависти лжет, желая власти. Мои братья стали пищей этой стихии, этого обмана. Я увидел, что братья были убиты спящими вместе, но их тела были обнажены и изувечены надписями и иероглифами. Части их тел были надкусаны или откусаны вовсе, быть может, и оторваны. Самое странное было то, что греховные их тела были обмазаны вязкой жидкостью, будто они делали нечто ритуальное, вероятно, еретическое и господиноухульное. Их лица выражали безразличие, ужас или удовольствие. В центре лежал дневник, найденный нами при обыске. Это была белая книга, испачканная кровью. Я взял ее в руки, и ощутил, что страницы были сделаны из кожи животного, но переплет был из гибкого дерева. В нем я нашел последнюю запись, повествующую о том, что же случилось.

Дневник Аласкалиэль: «После службы мы приступили к умерщвлению плоти. Ритуал этот требовал наготы, и посему мы все обнажили наши тела, дабы унижить их, прежде чем истязать. Вдруг подул ветер, потушивший все свечи. Мы продолжили ритуал. Каждый удар делал меня безумнее, чище и смиреннее. Я била себя, руками терзала плоть, била брата, сидящего рядом. Он бил меня. Вдруг мы все начали бить и грызть друг друга, предаваясь, похоти, страсти и безумию. Я слышала голоса, хохот, призывавшие продолжать и наслаждаться. Демоны были внутри нас, но поняли мы это поздно. Мы ослепли от света, и теперь тьма поглотила всех нас. Мы перестали понимать, что происходит. Братья и сестры смешали воедино добро и зло. Я пила эту чашу вместе со всеми, но вскоре сбежала в келью, дабы написать это в дневник, ибо всякий сюда входящий пусть оставит надежду. Демоны не среди нас, но мы и есть демоны. Эмпедорий нашел меня. Это было счастьем. Он рассказал мне все, что знал, и теперь должно придти третьему. Эмпедорий нашел третьего. Надеюсь, он симпатичный».

Я бросил дневник в огонь. Все ложное должно стореть. Они использовали меня. Весь поход был ловушкой. Моя любовь к Эмпедорию ослепила меня, а я верил его мудрости. Теперь, он познает все возмездие, что я – не имеющий имени – обрушу на него именем господина. Я направился в храм, размышляя о прошлом. Оно было обманчивым и прекрасным. Все чему нас учили было истинным, а личное – проистекает из лжи и тщеславия. Легенды лгут, ибо слова ложь, знания – ложь. Только вера в господина способна исцелять.

В храме я увидел то, что и ожидал. Эмпедорий стоял рядом с демоном. Они пили кровь, смешанную с чистой водой из пруда слез. Ощувив мое присутствие, оба повернулись, и Эмпедорий добрым, мягким голосом сказал:

– Доброй тебе ночи, брат мой. Волшебное время – тишина.

– Ты умрешь, старик. Я пришел убить тебя и твоего слугу – с яростью сказал я, но не смог наброситься на него. Мое тело перестало слушаться меня. Я ослаб, и не мог даже держаться на ногах. Все стало давить на меня: потолок, стены, воздух, взгляд демона. Я стал сопротивляться – господин пребывает во мне.

– Ага, молодец. Ты каждую ночь повторяй себе эти ничтожные слова. Ты слаб не потому, что господин в тебе и покинул тебя. Ты слаб потому, что ты – пустота. Ты – герой без имени, без времени, без места. Ты огромная черная дыра для господина – сказал Эмпедорий. Он был одет в простую черную мантию с капюшоном, из которого я мог видеть обезображенное лицо. Лицо, как будто было превращено в пепел, и затем снова восстановлено. Глаза были чернее ночи, но с белыми зрачками, белыми, как молоко или свет веры в господина.

– Ты не знаешь всей легенды. Третий должен убить господина в себе, и занять его место. Ты без имени олицетворяешь пустоту. Истину мрака. Эмпедорий – философ – отражает значимость идеи и слова в мире. Я – Харие – олицетворяю страсть и умеренность в страстях. Я – начало жизни, начало власти, начало мира вещей. Я – великая мать, если угодно.

– Я не стану вашей марионеткой! Все это – ересь! – закричал я, пытаюсь противиться их словам, их речам, которыми они хотели запутать меня и сбить с пути истинного.

– Нет никакого господина. Ты служишь себе и тем молчащим братьям. Тебе нужно что-то, что наполнило бы тебя смыслом и действием. Ты решил стать орудием, но не мудрецом. Почему? Ты жаждал власти над немymi братьями, над марионетками строителей, вроде меня. Вы видите лишь то, что должны. Мы видим то, что есть, но если мы заблуждаемся, то вы не узнаете об этом. Вы исполняете строгую волю, как тени, тихо и без конца. В этой жизни, куда ты шел?

– К благу господина!

– Ты знал, в чем его благо?

– В нем самом! Он есть высшее благо!

– Но его нет, ни в одном из миров. Как же ты хотел достичь его?

– Служением!

– Ха, служением! Толпа бессильная, верящая в чудеса, но боящаяся их счастья, которого она вынести не сумеет. На вас господин давно положил могильный камень в виде серых осенних небес. Слепых небес. Вы – пустые тени Больших Других, проживаете не свою жизнь, и даже не чужую. Вы вообще не проживаете ничего. Вы отказываетесь от жизни, ради служения идеям самих себя.

– Это как, если бы волк снял с себя шкуру, и стал бы молиться волку – с усмешкой произнесла демонесса.

– Вы лжете! Еретики всегда лгут! – свирепо закричал я. Я онемел и не мог двигаться.

– Ну, тогда убей нас. Чего ты ждешь? Мы тебя не околдовали. Ты сам разбит. Видишь, как сильно бывает слово или мысль. Твоя дубинка не причинит вреда духу. Пойми же, ты сам себя обманул, вверив свою жизнь в того, кому вы не нужны. Вы создали культы и пляски с бубнами ради него. Но ему это не надо. Он уничтожит вас так, что выглядеть это будет, как самоубийство. Он – лишь Воля. Слепая, безудержная Воля. Вся история пронизана ею и кровью. У вас жалкие воззрения на все, вплоть до самих себя. Хотя самих себя, вы вообще презираете. Хотите счастья, а сами проливаете кровь. Хотите гармонии и блага, а сами боитесь и близко приблизиться к ним. Почему? Да потому что вы – жалкие, мелкие, трусливые паразиты. Чертов вирус, который должен быть истреблен огнем и мечом. Вы – еретики не меньшие, чем все остальные. Пока вы решаете судьбы мира, вы не можете прибратся в собственной душе. Что, я снова лгу? Да откройся же ты новым созерцаньям. О том, что было, не грусти. Иди к вере истинной путем бесстрашия. Наполни себя новым великим духом. Духом Небытия, тщетной суеты и покоя.

– Сделай шаг к нам, и мы примем тебя – сказала демонесса, соблазнительно двигая бедрами и игриво покручивая змеиным хвостом – мы научим тебя всему. Ты обретешь такую власть, что невозможно и представить! Высшая власть – это власть без подданных!

Я перестал видеть мир, словно смотрел сквозь него. Все для меня стало безразличным. Меня ослепило тьмой. Пустота моего существования стала для меня невыносимой. Я не знал такой боли, такого сомнения, как теперь. Все перестало быть смыслом моей жизни. Я стоял перед ними пустой, без цели, без чувств, безразличным ко всему. Воздух был ветром, а свет был тьмой. Я чувствовал, как среди этой боли и пустоты поднимается мой демон. Демон моих желаний, и он воцарился демонессу. Я жаждал соития, я жаждал страсти, крови, жизни. Я жаждал безумия. Я жаждал быть ничем, раствориться в самом себе, остаться зрителем тщеславия вещей. Это пламя загло мою кровь, я чувствовал грех, порок, рвавшийся наружу. Вот теперь я стал понимать, что произошло. Меня охватило чувство вины, жажда искупления, гнев и счастье. Я сделал шаг к ним и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.